

Лыков А. В.

Оренбургский государственный университет
E-mail: av.lykov@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена определению профиля социально-экономической стратификации Оренбургской области. В Оренбуржье размер слоя бедных больше, а глубина материального расслоения меньше, чем по России в целом. Главным средством преодоления избыточного неравенства должно стать инновационное развитие экономики.

Ключевые слова: стратификация, социальное неравенство, доходы, социальная динамика, социальные группы, Оренбургская область.

Трансформационные процессы, вызвавшие резкие изменения в структуре российского общества, диктуют повышенный интерес к изучению этой темы со стороны социологии и других наук, стремящихся к адекватному отражению социальной реальности. Описание социальной структуры может дать представление об основных группах населения, уровне жизни, глубине расслоения, национальных, демографических и иных проблемах, наконец, о характере социально-экономического строя самого общества. Для анализа социальной структуры применяются теории, описывающие неравенство. Стратификация – это неравенство, выраженное слоевой структурой. Теория стратификации позволяет учесть различные модели расслоения: демографическую, национальную, половозрастную, профессиональную, политическую и, конечно, социально-экономическую. Последняя в определённом смысле считается главной, ибо выделяет в обществе три универсальных слоя (класса) – высший, средний и низший. В своей основе это – богатые, зажиточные и бедные. При этом, конечно, нужно помнить, что градация «высшие – низшие классы» и «богатые – бедные» основывается хотя и на близких, но не тождественных шкалах. Шкала «богатые – бедные», в отличие от шкалы «высшие – низшие классы», выстраивается по принципу одномерной классификации, в основе которой лежит критерий размера дохода, в значительной степени определяющий уровень жизни. А шкала «высшие – низшие классы» для своего построения дополнительно требует использования таких критериев как наличие образования, профессиональный статус, самооценка своего положения в обществе и других.

Что же представляет собой Оренбургская область в стратификационном плане? Решение этой задачи при всей её ясности представляется совсем не простым. Недостаток социологического мониторинга и научных публикаций¹ ограничивает круг применяемых источников преимущественно данными официальной статистики. При анализе социальной динамики эти данные использованы в первую очередь. Поскольку социальная структура общества во многом детерминирована экономикой, размещение и состояние последней играет большую роль. Укажем на некоторые важные социально-экономические характеристики области.

В историко-географическом аспекте Оренбургская область является частью Южного Урала и входит в Уральский экономический район, а в административном отношении она включена в Приволжский федеральный округ, что и учитывает официальная статистика. Область занимает обширную территорию (127,3 тыс. кв. км) и располагает разнообразными ресурсами – топливными, минерально-сырьевыми, рудными. По запасам и добыче полезных ископаемых она находится в числе передовых регионов России. На базе Оренбургского газоконденсатного месторождения – крупнейшего в европейской части страны – действует мощный газоперерабатывающий комплекс. На востоке области сосредоточены предприятия, производящие чёрный и цветной металл, а также химическую продукцию. Особую роль играет Орско-Халиловский металлургический комбинат полного технологического цикла, выпускающий чугун, сталь и прокат. Если промышленность даёт продукции на сумму 400–550

¹ Например, в книгах – «Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живём?» и «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» сведения по стратификации Оренбургской области отсутствуют [1; 2]. Это относится и к статьям в центральных научных журналах.

млрд. рублей в год, то сельское хозяйство – в несколько раз меньше, только на 50 – 70 млрд. рублей, хотя в области находятся около 5% всех сельхозугодий страны, и Оренбуржье является важным районом производства зерна [3, с. 27; 4, с. 11, 17]. В числе прочих причин это говорит о низкой эффективности сельского хозяйства.

Начало нового столетия для экономики Оренбуржья было относительно успешным. Ежегодный прирост промышленного производства в 2000 – 2008 гг. составлял 8%, что несколько выше общероссийского показателя [3, с. 27; 5, с. 39]. Высокие темпы роста держались до октября 2008 г., затем последовал абсолютный спад производства, который захватил и следующий год. Но уже в первом квартале 2010 г. выпуск промышленной продукции области увеличился на 11,5% (в сравнении с 5,8% по стране в целом), а сельскохозяйственной продукции – на 1,9%² [6, с. 3; 3, с. 36; 7, с. 2]. Положительные тенденции в развитии экономики на протяжении ряда лет способствовали росту областного консолидированного бюджета, доходы которого выросли с 64,4 млрд. руб. в 2009 г. до 77,6 млрд. руб. в 2011 г. [4, с. 493] В отличие от многих других регионов, Оренбуржье пользуется сравнительно небольшой поддержкой федерального бюджета. Финансовое положение области достаточно стабильно, что позволяет ей разрабатывать различные социальные программы, направленные на решение актуальных проблем.

Стратификационная картина общества определяется многими факторами: экономической структурой, развитостью каналов социальной мобильности, наличием ресурсов, объёмом благ и механизмом их распределения и т. д. Важным социальным ресурсом является население, его количество и качество. С конца 1990-х годов население области неуклонно сокращалось и на 1 января 2012 г. составляло 2023,7 тыс. человек [4, с. 10]. Миграционный приток и рост рождаемости в последние годы снизили темпы убыли населения, но не смогли её остановить. Изменилось соотношение городского и сельского населения. Доля городского населения сократилась с 65,0% в 1989 г. до 57,4% в 2006 г., а сельского – соответственно повысилась с 35,0% до 42,6% [3, с. 28-29]. В после-

дующие годы это соотношение изменилось незначительно. Уровень урбанизации в Оренбуржье ниже, чем в целом по России, где доля городского населения составляет 73%. Такая ситуация обусловлена разными факторами: административными (более двух десятков посёлков городского типа решениями власти были переведены в разряд сёл), демографическими, природными, производственными (заметной сельскохозяйственной направленностью экономики области) и другими. В итоге, значительный объём деревенского населения Оренбуржья (40,4% на 1 января 2012 г.) в сочетании с низкой эффективностью сельскохозяйственного производства и мизерными зарплатами большинства сельчан определяют рост социального слоя нищих и бедных граждан.

Главной производительной силой общества выступает экономически активное население³. Его численность при тенденции колебания медленно сокращается, как и население области в целом, и составляет чуть больше половины последнего [4, с. 127]. В структуре этого слоя присутствуют самые разные социальные группы – от групп с высокими и средними доходами до низкодоходных и безработных. Что касается безработных, то их численность за период 2000 – 2008 гг. при некотором колебании заметно снизилась. Если в 2000 г. безработных в области насчитывалось 127,1 тыс. чел., то в 2008 г. уже 74,6 тыс. человек. В процентном отношении уровень безработицы за эти годы понизился с 12,0 до 7,1% от экономически активного населения [3, с. 100], что всё же превышало общероссийские значения⁴. Кризисный 2009 г. повысил число безработных в области до 96,4 тыс. чел., но уже 2010 г. принёс снижение этого количества до 81,9 тыс. чел., а в 2011 г. безработица составила 70,2 тыс. человек, это ниже уровня 2008 г. [4, с. 127]

Следует обратить внимание и на другой статистический показатель – уровень зарегистрированной безработицы. Число безработных, зарегистрированных в учреждениях службы занятости и преимущественно получающих пособие, выросло с 3,9 тыс. чел. в 2000 г. до 9,0 тыс. человек в 2008 г.; в процентном отношении это увеличение с 0,4 до 0,9% от экономически активного населения. В 2009 г. количество зарегист-

² Индекс роста промышленного производства области за 2008 г. в целом составил 4,9%.

³ Экономически активное население (трудоспособные лица в возрасте 15 – 72 лет) состоит из занятых в экономике и безработных. Учащиеся, студенты, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они занимаются поиском работы и готовы к ней приступить.

⁴ По России – 9,8% в 2000 г. и 5,6% в 2007 г. [5, с. 94]

рированных безработных выросло до 17,1 тыс. чел. (1,6%), а к концу 2011 г. снизилось до 13,3 тыс. человек (1,2%) [4, с. 127]. Приведённые данные показывают, что областную программу содействия занятости населения, стремящуюся не допустить роста уровня зарегистрированной безработицы свыше 1%, выполнить удаётся не всегда. Примечательно, что только за пять месяцев 2011 г. работодатели сообщили о наличии у них 50 тыс. вакантных мест, из них 80% относились к рабочим профессиям [8, с. 5]. Нужно отметить, что из более 67,1 тыс. чел., обратившихся в течение 2011 г. в государственные учреждения службы занятости по поводу работы, 43,3 тыс. человек (это 64,5%) всё же были трудоустроены [4, с. 141]. В любом случае, длительная безработица потенциально опасна: для многих граждан это дорога в бедность.

Наличие бедных – наиболее неблагоприятного и уязвимого слоя населения – ярко характеризует социальную структуру любого общества. Для выделения этого слоя в Оренбуржье воспользуемся некоторыми показателями, предложенными Облстатом. Прежде всего, это величина прожиточного минимума, или, как её ещё называют, «черта бедности». В 2008 г. этот показатель равнялся 3984 рублям в месяц, что было всего в 2,6 раза меньше среднедушевых денежных доходов населения [4, с. 165]. Численность и удельный вес социальной группы с денежными доходами ниже прожиточного минимума неуклонно сокращаются. Если в 2000 г. она насчитывала 930,9 тыс. чел., то в 2008 г. – уже 346,6 тыс. человек. Ещё более впечатляет динамика снижения этой группы в процентах. В 2000 г. почти половина (42,1%) населения области находилась за порогом бедности (по России в целом только 29%), в 2004 г. этот показатель составил 24,4, в 2007 г. – 18,6, а в 2008 г. – 16,4%. Доля российского населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2004 и 2007 гг. равнялась соответственно 17,6 и 13,4%, значит, в Оренбуржье уровень бедности выше, чем в среднем по России [3, с. 127; 5, с. 116]. Конечно, за этими цифрами скрывается существенная разница в картине социального расслоения в регионах. По официальным данным, самая высокая доля бедных в населении региона была в Республике Ингушетии – 83%, а самая низкая (8%) – в Ямало-ненецком автономном округе [9, с. 58]. Это свидетельствует о неравномернос-

ти социально-экономического развития регионов и большом разрыве в уровне жизни их населения. Такая ситуация отнюдь не способствует упрочению единства страны.

Экономический кризис замедлил темпы сокращения численности социальной группы, живущей за чертой бедности, но не остановил этот процесс. В 2010 г. численность этой группы в Оренбуржье уменьшилась до 289,3 тыс. чел., а в 2011 г. осталась почти на этом уровне – 299,6 тыс. человек. Удельный вес этой группы в составе всего населения области составил за эти два года соответственно 14,2 и 14,7 процентов, что всё же ниже уровня 2008 г., но по-прежнему выше, чем в целом по России (12,8% на 2011 г.) [4, с. 165; 10, с. 125]. Но можно ли называть этот слой населения бедным? Как справедливо отмечают социологи, величина прожиточного минимума, и так недопустимо заниженная, поскольку не отражает сложившихся в обществе потребительских стандартов, определяет не черту бедности, а нищету. Та часть населения, чьи доходы ниже величины прожиточного минимума, не просто бедна, а абсолютно бедна. Бедными же следует называть тех, кто имеет прожиточный минимум, но не достиг среднего дохода и среднего слоя. А значит, доля бедных в обществе значительно больше, чем показывает официальная статистика. Существуют и международные стандарты, согласно которым критерием нищеты является доход менее 2 долларов на человека в день, а порог абсолютной бедности по доходам для стран бывшего СССР составляет 4 долл. в день [11, с. 39]. Последняя цифра (4 долл.) даёт в месяц 3600 рублей. Величина прожиточного минимума в Оренбуржье лишь с 2008 г. достигает этой суммы и может служить критерием разделения населения на абсолютно и относительно бедное.

А с какого уровня начинать отсчёт среднеобеспеченных слоёв населения? По этому поводу существуют разные, но в общем близкие, мнения. Российские исследователи в той или иной степени учитывают рекомендацию Экономической комиссии ООН, разработанную в рамках относительного подхода к бедности. Согласно этому подходу, бедными следует считать тех, у кого доход составляет 2/3 медианы среднедушевого национального дохода. Выше этого уровня – до медианы, располагается слой малообеспеченных (или нуждающихся), от одной медианы до двух медиан

находятся среднеобеспеченные, а обладатели двух и более медианных доходов – высокообеспеченные люди [12, с. 41]. Таким образом, границей средней обеспеченности можно считать среднемесячный душевой доход не ниже медианных значений в данном регионе. Следует учесть, что медианный доход (значение душевого дохода ровно в середине всех единиц наблюдения – групп работников или населения) отличается от среднедушевых доходов, исчисляемых делением годового объёма денежных доходов на 12 и на среднегодовую численность населения. Показатель среднедушевых доходов не свободен от погрешности среднеарифметического расчёта в условиях огромного разрыва в доходах полярных социальных групп. Так, в 2004 году (последнем, за который на федеральном уровне рассчитаны показатели по прожиточному минимуму и доле бедных, в 2005 г. определение этих показателей передано в регионы) среднедушевые доходы россиян составляли 6600 руб., а медианные доходы проходили примерно на уровне в 5000 рублей [12, с. 42].

Методику, основанную на показателе среднедушевых денежных доходов, определяемых официальной статистикой, предлагает Л.А. Беляева. По её мнению, черта, отделяющая относительную бедность от средней обеспеченности, располагается на уровне $2/3$ от среднедушевых доходов населения [9, с. 58]. Воспользуемся этой методикой. Применив данный критерий к Оренбуржью, получим на 2008 г. сумму в 6842,6 рубля, тогда как величина прожиточного минимума, равная 3984 руб., в 1,7 раза меньше (подсчитано по [3, с. 127]). Посмотрим, какие слои населения в этом году могли потратить указанную сумму. Воспользуемся данными по структуре расходов на конечное потребление, включая создание сбережений, домашних хозяйств, объединённых в 10-ти процентные группы населения [3, с. 146]. Если отнести верхнюю десятую группу к богатым, что вполне приемлемо при расходах в среднем на одного члена семьи около 20 тыс. рублей в месяц, а следующую девятую группу к зажиточным (расходы более 11 тыс. руб.), то к средним (просто обеспеченным) слоям можно отнести лишь восьмой и седьмой децили, т. е. 20% населения (с расходами 8,5 и 7 тыс. руб.), остальные шесть групп (60% населения) с расходами от 5,4 до 2,1 тыс. руб. – это необеспеченные и бедные люди. Если из верхнего дециля выделить 5-ти процентную группу богатых, а остальные 5% объединить с девятым,

восьмым и седьмым децилями, то доля «среднего класса» в Оренбуржье увеличивается до 35%, что, впрочем, не меняет общего вывода: большинство населения области поддерживает свой уровень жизни на очень низких отметках.

Аналогичные данные официальной статистики за 2011 г. показывают, что при росте расходов на конечное потребление в денежном выражении всех децильных групп стратификационная картина в Оренбуржье почти не изменилась. При установленном прожиточном минимуме в 5524 рубля первые три страты с месячными расходами в 3,2 тыс., 4,4 тыс., 5,4 тыс. рублей попадают в слой нищих (абсолютно бедных) и относительно бедных людей. Четвёртую, пятую и шестую страты с расходами в среднем на одного члена семьи в 6,3 тыс., 7 тыс. и 8,6 тыс. рублей можно определить соответственно как бедных, необеспеченных и малообеспеченных (нуждающихся). И лишь седьмой дециль с расходами около 10,5 тыс. рублей достигает уровня средней обеспеченности. Подчеркнём, что при размере среднедушевых доходов населения в 14767,8 рублей нижняя граница средней обеспеченности ($2/3$ этого значения) составит сумму в 9845,2 рубля. Значит, восьмой дециль (с расходами почти 12,5 тыс. рублей) составили также обеспеченные, девятый дециль (расходы более 16,7 тыс. рублей) – зажиточные, и десятый дециль (расходы более 29,6 тыс. рублей) – зажиточные и богатые люди [4, с. 165, 176, 184]. При этом обнаруживается устойчивая и тревожная тенденция: рост денежных расходов на конечное потребление (а значит, и доходов) децильных групп населения последовательно снижается от богатых к бедным. То есть, расходы высокодоходных групп растут более быстрыми темпами, чем расходы социальных групп с наименьшими ресурсами. Расходы в среднем на одного члена семьи верхней – десятой – страты выросли с 2008 по 2011 гг. почти на 10 тыс. рублей, в то время как аналогичные расходы нижней страты (с наименьшими ресурсами) выросли за это время только на 1,1 тыс. рублей, это в 9 раз меньше (подсчитано по: [3, с. 146; 4, с. 184]). А значит, социальное неравенство в области увеличивается.

Динамику социально-экономического неравенства в Оренбуржье в указанном направлении подтверждают сведения о денежных доходах населения по 20-ти процентным (квинтильным) группам. Из пяти квинтильных групп, расположенных по возрастанию доходов, первые три груп-

пы (60%), определяемые нами как бедные, необеспеченные и малообеспеченные слои, уменьшили своё представительство в общем объёме денежных доходов населения за 2000 – 2008 годы: первая группа с 8,0 до 6,0%, вторая – с 12,9 до 10,8%, третья – с 17,3 до 15,7%. Четвёртая группа (слой обеспеченных) стабилизировала своё положение в диапазоне 23,1 – 22,9% и продемонстрировала последнюю отметку три года подряд, что подтверждает, на наш взгляд, принадлежность этой группы к «среднему классу». И лишь удельный вес доходов пятой группы (зажиточные и богатые) вырос с 38,7 до 44,6 процентов [3, с. 135].

Экономический кризис конца 2008 – 2009 гг., как ни странно, не изменил приведённых пропорций доходов квинтильных групп, все они в 2009 - 2011 гг., при незначительных колебаниях, удержались на прежних отметках. Что касается четвертой группы (обеспеченные), то она характеризуется устойчивой стабильностью, её доля в доходах (22,9%) остаётся неизменной последние шесть лет [3, с. 135; 4, с. 175]. Приведённые данные показывают, что, несмотря на тенденцию стабилизации в распределении денежных доходов, поляризация общества усиливается: бедные беднеют, а богатые богатеют. То есть вновь, как и в 90-е годы, в российском обществе проявился процесс, описанный ещё Марксом применительно к эпохе домонополистического капитализма, и это после 20-ти лет рыночных преобразований.

Рост материального неравенства в Оренбургской области подчёркивают и два других коэффициента, определяемые статистикой. Коэффициент фондов – соотношение доходов верхней и нижней 10-ти процентных групп населения – увеличился с 7,4 в 2000 г. до 12,4 в 2011 г. (в кризисном 2009 г. поднимался до 12,8), а коэффициент Джини, характеризующий неравномерность распределения доходов в интервале от 0 до 1, вырос за 11 лет с 0,306 до 0,380 (в 2009 г. составлял 0,385) [4, с. 175]. Эта неблагоприятная тенденция действует и в России в целом, причём даже с большей силой, учитывая разницу в доходах между крайне бедными слоями и семьями, имеющими миллиардные состояния. По официальным данным, в предкризисном 2007 г. коэффициент Джини превысил 0,42, а коэффициент фондов составил 16,8. К 2012 г. положение почти не изменилось, коэффициент Джини равнялся 0,416, а коэффициент фондов – 16,1 [10, с. 126, 135]. То есть доходы верхней децильной группы более чем в 16 раз превы-

шают доходы нижней децильной группы. Исследователи, учитывающие прибыль от теневой экономики, настаивают на разнице в доходах верхней и нижней децильных групп в 25–30 раз, а по отдельным регионам и больше. Значит, плоды экономического роста и накопленные государством средства преимущественно распределяются в пользу богатых, а бедным достаётся незначительная часть. Одним из основных методов перераспределения доходов в пользу малоимущих слоёв населения является налоговая политика, но меры, принимаемые государством, вроде планируемого налога на роскошь, часто оказываются непоследовательными, половинчатыми и не приносят должного эффекта.

Особенность социальной стратификации Оренбуржья (и страны в целом) заключается в том, что значительная часть, если не большинство, бедных составляет работающее население. Причём среди работающих всё ещё сохраняется большой слой людей с доходами, не позволяющими им выбраться из категории абсолютно бедных. Такую ситуацию можно объяснить только несовершенной системой оплаты труда и распределения доходов. Это обстоятельство распространяется и на пенсионеров, численность и удельный вес которых последние годы увеличиваются. В 2008 г. их насчитывалось 565,4 тыс. чел. (26,8%), а в 2011 г. – 586,2 тыс. человек (29% всего населения области), при этом на одного пенсионера приходится 1,83 человека, занятого в экономике. Средний размер месячных пенсий на конец 2008 г. составлял 4152,9 руб., что было не намного больше прожиточного минимума пенсионеров (3269 руб.) и служило серьёзным стимулом к их трудоустройству. В последующие годы ситуация несколько улучшилась: к 2012 г. пенсии выросли в среднем до 7539,9 рублей, что увеличило их соотношение с прожиточным минимумом с 127,0 до 173,3 процентов. А вот соотношение пенсий со средней заработной платой оставляет желать лучшего: в 2000 г. оно равнялось 30,5%, в 2008 г. – 34,1%, в 2009 г. – 33,8%, в 2010 г. – 46,5%, в 2011 г. – 43,3%. Такие пропорции нельзя признать удовлетворительными для общества, находящегося в стадии экономического роста. Становится понятным стремление пенсионеров к трудоустройству. Численность работающих пенсионеров выросла за 11 лет более чем в 2,2 раза – с 76,2 тыс. чел. в 2000 г. до 170,3 тыс. человек в 2011 г. По отношению к их общему количеству доля работающих пенсионе-

ров увеличилась за эти годы с 13,3 до 29,0 процентов [4, с. 64, 172, 174]. То есть более четверти всех пенсионеров Оренбуржья вынуждена работать, стремясь или вырваться из бедности или поддерживать достигнутый прежде уровень жизни. Что же касается неработающих пенсионеров, то материальное положение большинства из них предельно шаткое.

Доходы и способы их получения выступают ключевым фактором стратификации общества. Социальные группы обладают различными возможностями и способами приобретения материальных и духовных благ. Некоторые представления об этом дают статистические данные о структуре денежных доходов населения. Первое место в этой структуре занимает, конечно, заработная плата, но её доля постепенно снижается и возрастает удельный вес таких источников, как доходы от собственности и от предпринимательской деятельности, что естественно для рыночной экономики. Доля заработной платы в составе денежных доходов населения области уменьшилась за 11 лет (2000 – 2011) с 54,4% до 42,9%, а удельный вес доходов от предпринимательской деятельности повысился с 9,9% до 12,6%. Динамика доходов от собственности – более сложная, представляет собой кривую линию с чередованием подъёмов и спадов, но в итоге показывает снижение с 3,7% в 2000 г. до 2,4% в 2011 г. В целом по России картина несколько иная. Доля заработной платы за 2000 – 2011 гг. при слабых колебаниях повысилась с 62,8% до 67,1%, а удельный вес доходов от предпринимательской деятельности и от собственности при тенденции колебания снизился: первых с 15,4% до 9,1%, вторых с 6,8% до 3,6% [4, с. 167; 5, с. 130]. Такая ситуация может объясняться неравномерным развитием регионов, последствиями экономического кризиса и другими факторами.

Что касается источников доходов, то именно последние два его вида стали играть решающую роль в расслоении общества. Однако возможности низкообеспеченных социальных групп в отношении этих видов доходов весьма ограничены. Отчасти этим можно объяснить рост удельного веса социальных выплат в структуре доходов населения как Оренбургской области, так и России в целом. За указанный период доля социальных выплат в области увеличилась с 17,4 до 23,4%, а в России – с 13,8 до 18,2 процентов [4, с. 167; 5, с. 130]. Завышенный показатель социальных выплат в области по

сравнению с общероссийским индексом может объясняться более высоким уровнем абсолютной бедности в регионе, наличием значительной массы нетрудоспособного населения, в том числе пенсионеров, финансово-экономической ситуацией и другими параметрами. Социальная поддержка бедных и необеспеченных слоёв в форме различных выплат и пособий – действенная, но, на наш взгляд, недостаточная мера. Низкая оплата труда и отсутствие других источников доходов в сочетании с постоянным ростом стоимости жизни делают надежды на экономический успех и восходящую мобильность для этой категории всё более призрачными, а наследуемую бедность – тревожной и опасной тенденцией. Кардинальным решением этой проблемы следует считать всё же системные изменения в оплате труда, пенсионном обеспечении и распределении национального дохода.

Казалось, эта очевидная мысль может быть легко реализована в соответствующих законах и действиях правительства (вспомним обещания реформаторов в начале 90-х годов), но в реальности дело обстоит иначе. Сейчас превышение суммы заработной платы высокодоходных групп над низкодоходными составляет десятки, если не сотни, раз. Причём, резкие различия в объёмах оплаты труда наблюдаются как на внутри-, так и на межотраслевом уровнях. Первенство по начисленной заработной плате в Оренбуржье (и в стране) держат работники топливно-энергетической промышленности и финансового сектора – соответственно 214,4 и 195,7 процентов от среднеобластного уровня. Предельно низкая заработная плата в сельском и лесном хозяйстве (49,3%) и в текстильно-швейном производстве (56,1%). Низкий уровень оплаты труда в образовании и медицине – 60,7 и 64,9% [4, с. 170, 171]. Но вне конкуренции находятся областные чиновники. Среднемесячная зарплата, начисленная им в 2010 г., составила 35113 рублей, это в 2,25 раза больше среднеобластного уровня [13, с. 4]. И с каждым годом зарплата чиновников только увеличивается. На этом фоне размер заработной платы учителей, врачей и представителей ряда других интеллектуальных профессий выглядит социально опасным. Низкая оценка труда отрицательно сказывается на мотивации трудовой деятельности, повышении квалификации и качестве работы. В первую очередь это относится к тем сферам экономики, где требуется сложный труд специалистов. При

этом в России до настоящего времени доля заработной платы в ВВП очень низка – порядка 26 – 30%, а норма прибыли высока – 30%, тогда как в США доля официальной заработной платы около 48% (в других развитых странах – до 60 – 70%), а норма прибыли – примерно 15% [14, с. 38; 11, с. 39, 40]. Можно по-разному объяснять приведённые цифры, но очевидно, что эти воспроизводственные пропорции, унаследованные от советской экономики, необходимо преодолеть.

Справедливости ради надо отметить, что власть на областном и федеральном уровнях проводит политику поддержки низкодоходных социальных групп, периодически повышая пенсии и зарплаты. Средний размер пенсий в Оренбуржье увеличился за 2008 – 2011 гг. более чем 1,8 раза, реальный рост пенсий был скромнее: 9,4% в 2008 г., 26,2% в 2009 г., 11,2% в 2010 г., 5,1% в 2011 г. Что касается среднемесячной заработной платы в таких «бюджетных» отраслях, как образование и медицина, то за указанный период она выросла в первой с 7258 руб. до 10333 руб. (в 1,4 раза), во второй – с 8304 руб. до 11048 рублей (в 1,3 раза) [4, с. 169, 172]. Сравнив эти цифры с индексами роста стоимости жизни (только тарифы на основные услуги ЖКХ в 2007 – 2011 гг., по приблизительным подсчётам, ежегодно увеличивались в среднем на 18%), увидим, что прибавок к пенсиям и зарплатам нуждающимся категориям населения едва хватало для поддержания достигнутых потребительских стандартов.

Подведём итоги. Картина социально-экономического неравенства в Оренбуржье выглядит так: около 15% населения области живут за чертой бедности (это нищая, или абсолютно бедная часть), следующие 25% – относительно бедное население, к нему можно добавить 20% необеспеченных и малообеспеченных (нуждающихся) граждан, затем идёт 20-ти процентный слой среднеобеспеченных, выше располагается 15-ти процентная группа зажиточных и, наконец, на вершине социальной пирамиды находятся 5% богатых. Что касается последних, то подлинно богатыми в первую очередь надо считать 3161 чел. (в их числе и шесть миллиардеров), определённых по итогам декларационной кампании, с ежегодными доходами в миллионы рублей [15, с. 5], это 0,16% всего населения. Таков профиль стратификации Оренбургской области, построенный по шкале «богатство – бедность». Конечно, приведённые пропорции следует считать примерными,

и не только потому, что для определения более точных количественных параметров социальных групп нужны специальные исследования, но и в силу того, что при изменении критериев границ абсолютной и относительной бедности немедленно меняются размеры слоя нищих, бедных и других, близко к ним расположенных страт.

В числе положительных тенденций социальной динамики последних лет в Оренбуржье следует отметить сокращение безработицы, уменьшение численности крайне бедного населения, рост (хотя и небольшой) реальных доходов граждан (в 2008 г. на 14,3%, в 2009 г. на 4,8, в 2010 г. на 4,6, в 2011 г. на 0,1%) [4, с. 165], стабильность положения обеспеченных и зажиточных слоёв. Но в то же время продолжает действовать неблагоприятная тенденция углубления материального неравенства в обществе. Серьёзной социальной проблемой остаётся наличие широкого слоя бедных и нуждающихся людей.

Направленность социальных процессов зависит от многих факторов, поэтому стабильность положительных тенденций при нынешней модели экономики преувеличивать не следует. Недавний кризис показал, как быстро может меняться экономическая ситуация и возникать зона социального напряжения. Примеров этому множество, приведём такой. В декабре 2008 г. из-за падения мировых цен на никель (с 48 тыс. до 3,1 тыс. долларов за тонну) был остановлен Бурктуальский никелевый завод, находящийся в посёлке Светлый на востоке области. Семьсот семей рабочих остались без средств к существованию. В районном центре, где проживает около 8 тыс. человек и часть трудоспособного населения работает в рудоуправлении, также связанном с производством никеля, другой работы практически нет. В мае 2009 г. завод заработал вновь, но заработная плата была сокращена, рабочие-плавильщики получали лишь около 7 тыс. руб. в месяц при средней зарплате рабочего-металлурга в Оренбуржье – 17,5 тыс. рублей. Зарплата рабочего-слесаря на заводе составляла 3,1 тыс. рублей, что было вообще ниже прожиточного минимума. Потребовалось вмешательство правительства области в эту ситуацию, переговоры с собственниками предприятия, чтобы поднять уровень оплаты труда и ликвидировать очаг социальной напряжённости [6, с. 3; 16, с. 5].

Серьёзный финансовый кризис, по сообщениям СМИ, переживало осенью 2012 г. ещё

более крупное предприятие – Южно-уральский никелевый комбинат, расположенный в Орске. Свои трудности и у организаций, относящихся к среднему бизнесу. По заявлению директора Новосергиевского механического завода, проект развития его предприятия, предусматривающий финансирование на сумму 40 млн. рублей, не прошел ни по одному правительственному конкурсу, и даже банки отказали в кредите в связи с его незначительностью [17, с. 4]. Проблемы эффективного функционирования есть и у многих других предприятий, особенно с учётом того факта, что 27% всех организаций области – убыточные

[4, с. 500]. Понятно, что экономические процессы напрямую влияют на стратификационную динамику.

Можно констатировать, что реформирование системы распределения доходов, значительное повышение заработной платы и пенсий выступают важнейшим средством преодоления избыточного социального неравенства. Но только успешное инновационное развитие и экономический рост способны придать положительный характер стратификационным процессам, стать оружием против бедности и чрезмерного материального расслоения и инструментом решения острых социальных проблем.

25.12.2012

Список литературы:

1. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живём? – М.: Поматур, 2005. – 278 с.
2. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Составление и общая ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М.: Academia, 2009. – 807 с.
3. Оренбургской области – 75 лет. Областной статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. – Оренбург, 2009. – 525 с.
4. Статистический ежегодник Оренбургской области. 2012: Стат. сб. / Оренбургстат. – Оренбург, 2012. – 558 с.
5. Россия в цифрах. 2008: Крат. Стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – 510 с.
6. Оренбургская неделя. – 2009. – 4 февр.
7. Оренбургский вестник «Единой России». – 2010. – 8 июня.
8. Оренбургский университет. – 2011. – 15 июня.
9. Беляева, Л. А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования. – 2006. – №9. – С. 52 – 63.
10. Россия в цифрах. 2012: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 573 с.
11. Шкаратан, О. И., Иванов, И. М., Инясевский, С. А. Анализ социально-экономического неравенства россиян // Общественные науки и современность. – 2005. – №5. – С. 36 -53.
12. Тихонова, Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: Ин-т социологии РАН, 2007. – 320 с.
13. Оренбургское обозрение. – 2011. – 1 апреля.
14. Беляева, Л. А. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции // Социологические исследования. – 2007. – №11. – С. 29 – 41.
15. Оренбургский университет. – 2011. – 21 сент.
16. Моисеев, В. Пролетариат оскорблять не рекомендуется // Оренбургская неделя. – 2010. – 19 мая.
17. Оренбургский университет. – 2012. – 10 окт.

Сведения об авторе:

Лыков Александр Вячеславович, доцент кафедры философии науки и социологии Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2552, тел. (3532) 372585, e-mail: av.lykov@yandex.ru

UDC 316.343(470.56)

Lykov A.V.

Orenburg state university, e-mail: av.lykov@yandex.ru

TO THE PROBLEM OF SOCIAL-ECONOMIC STRATIFICATION OF THE ORENBURG REGION

The article is devoted to defining the profile of the socio-economic stratification of the Orenburg region. In Orenburg layer size more poor, and the depth of the tangible bundle less than in Russia as a whole. The main means of overcoming excessive inequality should be an innovative economy.

Key words: stratification, social inequality, income, social dynamics, social groups, Orenburg region.